

К.А. Иностранцев

**Записки Императорской
академии наук**

**Том 8, №18. Персидская
литературная традиция в
первые века ислама**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К.А. Иностранцев**
Записки Императорской академии наук: Том 8, №18. Персидская литературная традиция в первые века ислама / К.А. Иностранцев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-7555-8

ISBN 978-5-4241-7555-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Характеръ персидской исторіи въ сасанидскую эпоху. Ея значеніе въ сужденіи арабскихъ писателей ранне-мусульманскаго періода. Положеніе парсійской общины и центры сохраненія персидской традиціи въ первые вѣка ислама. Замокъ Джиссъ, его архивъ и жившіе въ немъ знатоки иранскаго преданія.	1— 9
II. Парсійское духовенство и мусульманская иранофильская партія Шу'убіянъ. Ихъ роль въ сохраненіи персидской литературной традиціи. Различныя формы проявленія этой традиціи: научная, эпико-историческая, сказочная, этико-дидактическая	9—14
III. Книги этико-дидактическаго характера въ Фихристъ	14—21
IV. Источники сборника Ибн-Мискавейхи. Персидскій элементъ въ развитіи мусульманской морали. «Книга адаба» Ибн-ал-Мукаффы и нѣкоторыя другія близкія къ ней арабскія сочиненія	21—25
V. Тѣдж-нѣмэ, упоминаемая у Мас'уді персидская книга съ рисунками и иллюстраціи свитковъ въ замкѣ Джиссъ	25—29
VI. Списокъ переводчиковъ съ персидскаго въ Фихристъ и различныя ихъ категоріи. Табаристанецъ 'Умаръ-ибн-ал-Фаррухъянъ и его «Китѣбъ-ал-махъсинъ». Другіе авторы книгъ съ подобнымъ заглавіемъ въ ранне-мусульманскую эпоху. Связь этихъ книгъ съ «книгами о добродѣтеляхъ и порокахъ» . . .	29—36
VII. «Книга свѣта» 'Али-ибн-'Убејды ар-Райхъані	36—38
Указатель	39—40

I.

Иранскому элементу принадлежит очень крупная роль как во внешней, так и во внутренней истории ислама. Его влияние сказывается на протяжении всей многовековой истории мусульманских народов, то — при благоприятных условиях — вполне ясно и определенно, то — при условиях враждебных — на первый взгляд незаметно, но по существу многозначительно. Причины этого весьма сложны и для всесторонней оценки их необходимо рассмотреть длинную цепь фактов, но с общей точки зрения несомненно, что они коренятся главным образом в продолжительности исторической, культурной традиции. Особенное значение имеет то обстоятельство, что именно в эпоху, предшествовавшую арабскому завоеванию, Персия переживала время национального возрождения после разгрома, нанесенного ей государственности — походами Александра Великого¹⁾, ее культура — сильнейшим влиянием эллинизма, во многих отношениях, впрочем, весьма плодотворным. Поэтому, для изучения иранской традиции в исламе особенное значение имеет эта предшествовавшая арабскому завоеванию эпоха правления Сасанидской династии.

Сасанидская династия (со второй четверти III-го в. по Р. X. до середины VII-го в.), вышедшая из мелких владельцев южной Персии — области, которая справедливо носит название «ядра персидской нации», — занимает видное место в персидской истории. Широкие государственные задачи соединялись с достаточно прочной государственной организацией, совершенство которой вошло даже в пословицу у арабов. В этом последнем отношении сасанидская традиция долго еще переживала династию: сильнейшее влияние ее чувствуется при Аббасидских халифах и позже, при турецких Сельджукидах. Но не только государственность — и некоторые другие культурно-исторические явления позднейшего времени находят себе объяснение в сасанидской эпохе. Поставленная наперекорь

1) Этимъ объясняется та ненависть, которая резко выражается въ парсійскихъ преданіяхъ объ Александрѣ — см. J. Darmesteter, *La légende d'Alexandre chez les Parses, Essais Orientaux*. Paris, 1883, 227—251.

между греко-римскимъ міромъ съ одной стороны, и Китаемъ и Индіей съ другой, сасанидская Персія служила въ теченіе долгаго времени средоточіемъ обиха, духовнаго и матеріальнаго. Въ противоположность Ахеменидамъ, тяготѣвшимъ къ великимъ семитическимъ культурамъ Запада, и эллинистическимъ стремленіямъ предшествовавшей пароянской династіи, Сасаниды преимущественно выдвигали иранскій элементъ. Въмѣстѣ съ этимъ, но уже въ подчиненномъ положеніи, продолжали развиваться эллинистическое движеніе и стародавній ирано-семитическій синкретизмъ; одновременно происходило также смѣшеніе этническое, особенно въ западной Персіи, гдѣ семитизмъ былъ силенъ издавна. При всемъ томъ, однако, Сасаниды могли опираться на сплоченное иранское населеніе средней и восточной Персіи. Сплоченность эта была достигнута основнымъ фактомъ всей политической системы сасанидскихъ царей¹⁾ — созданіемъ государственной церкви, которая является вмѣстѣ съ царями главнѣйшимъ вершителемъ судебъ персидскаго народа за все время существованія сасанидскаго государства. Передъ этимъ блѣднѣетъ значеніе втораго факта сасанидской политической системы — централизаціи управленія, такъ какъ элементы феодальнаго строя давали себя чувствовать все время существованія государства и позже, послѣ арабскаго завоеванія, явились даже, вслѣдъ за церковью, главными носителями иранской традиціи.

Господствовавшая въ сасанидскую эпоху ирано-фильская тенденція сложилась и развивалась при ближайшемъ участіи государственной религіи, маздеизма, и парсійскаго духовенства. При ихъ же содѣйствіи происходила и литературная ея обработка. Помимо окончательной редакціи священныхъ книгъ, нормировавшихъ всѣ главнѣйшія проявленія какъ духовной, такъ и гражданской жизни населенія, по преимуществу въ этой средѣ должны были сохраняться и развиваться персидскіе этические идеалы. Они должны были находить свое выраженіе въ литературной формѣ, въ этико-дидактическихъ трактатахъ, подобные которымъ мы находимъ въ той же средѣ въ позднѣйшее время. Въ тѣхъ же цѣляхъ сохраненія національной традиціи, государственная церковь путемъ компромисса удерживала древнюю народную обрядность или по крайней мѣрѣ относилась къ ней безразлично, хотя обрядность эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣла ничего общаго съ маздеизмомъ. Въ этой обрядности, въ этихъ этическихъ идеалахъ, церковь находила сильную поддержку у феодальныхъ круговъ, крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ называемыхъ «дихкановъ», которые съ особеннымъ рвеніемъ сохраняли древнее героическое преданіе. Все это встрѣ-

1) Объ устройствѣ сасанидскаго государства см. A. Christensen, *L'empire des Sassanides, le peuple, l'état, la cour.* Copenhague, 1907.

чало сочувственное отношеніе династїи, вышедшей изъ феодальныхъ владѣльцевъ и опиравшейся на государственную церковь.

Рядомъ съ этими національными стремленіями, въ сасанидскомъ государствѣ въ полной силѣ дѣйствовали и тѣ факторы культурнаго общенія, о которыхъ мы говорили выше. Изъ этихъ факторовъ особенно заслуживаютъ вниманія вопросы просвѣтительные. Въ этомъ отношеніи сасанидская Персія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Запада — достаточно вспомнить присутствіе изгнанныхъ изъ Греціи неоплатониковъ при дворѣ сасанидскаго царя и основаніе высшей медицинскои школы, въ которой видная роль принадлежала греческимъ врачамъ. Одновременно въ этой же области можно усматривать и другія вліянія: сасанидскои Персіи не была чужда и индїйская наука. Мы имѣемъ данныя объ оживленной дѣятельности переводчиковъ научныхъ сочиненій на персидскій языкъ и традиція этой дѣятельности переживаетъ позже, въ мусульманское время. Въ связи съ этой теоретической научной дѣятельностью стояло высокое совершенство и внѣшней культуры, простекавшее въ значительной степени изъ общаго матеріальнаго. Въ этомъ отношеніи также сасанидская традиція переживаетъ династію и какъ при изученіи торговли и промышленности, такъ и искусства мусульманскои эпохи, необходимо обращаться къ предшествующему времени персидскои исторіи.

Въ до-мусульманскои Аравіи было хорошо извѣстно высокое культурное развитіе сасанидскои Персіи. Среди подданныхъ великаго персидскаго царя, въ западныхъ областяхъ его царства, находилось много арабовъ, которые въ торговыхъ сношеніяхъ разносили среди племенъ сирійскои пустыни и дагдѣ на югъ, на аравійскій полуостровъ, слухи и рассказы о величїи Ирәншахра. Не только повѣствованїя о героическихъ подвигахъ выдающихся лицъ иранскаго эпоса — Рустема и Исфендіяра, но и религіозные взгляды и убѣжденія персовъ находили себѣ мѣсто и распространеніе среди арабскихъ племенъ. Такъ, мы имѣемъ извѣстіе¹⁾, что огнепоклонники находились среди арабскаго племени Темїмйатовъ. Въ политикѣ вліяніе персовъ на племена Аравіи сказывается въ до-мусульманскую эпоху очень сильно. Какъ извѣстно, благодаря главнымъ образомъ персидскому вліянію держалось небольшое арабское государство Лахмидовъ²⁾ на юго-западныхъ предѣлахъ сасанидскаго государства; оно сыграло свою, весьма полезную для Персіи роль, сдерживая съ одной стороны римско-византїйское стремленіе къ Востоку, съ другой — постоянныя попытки къ вторженію на территорію Персіи арабскихъ кочевыхъ

1) См. напр. Ибн-Русте (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VII), гIV, 6—9.

2) О немъ см. G. Rothstein, Die Dynastie der Lakhmiden in al-Hira. Ein Versuch zur arabisch-persischen Geschichte zur Zeit der Sasaniden. Berlin, 1899.

племень. Незадолго до возникновенія ислама, сасанидское вліяніе захватило арабовъ и съ юга, такъ какъ Іеменъ перешелъ во владѣніе персовъ. Тогда Хосрой и его дворъ кажутся арабамъ недостижимымъ идеаломъ величія и роскоши.

Быстрое завоеваніе Персіи арабскими войсками явилось полнымъ разгромомъ для сасанидской государственности, но персидская культура не могла быть уничтожена успѣхами арабскаго оружія. Въ наукѣ установлено, что разгромъ Персіи былъ только внѣшній и что арабы были принуждены въ очень многомъ сохранять прежнее. Потерявъ господствующее положеніе, парсійское духовенство фактически сохранило всю свою власть надъ туземнымъ населеніемъ, какъ въ глазахъ его самого, такъ и новаго, чужеземнаго правительства; то же нужно сказать и о землевладѣльческомъ классѣ¹⁾. Иранская традиція продолжала жить въ нихъ и съ ними. Не только сохранившееся, но и все разрушенное оставило долгій слѣдъ въ памяти завоевателей. Черезъ много лѣтъ послѣ арабскаго завоеванія, развалины, покрывающія Персію, возбуждаютъ удивленіе арабовъ, и ихъ географы IX—X вѣковъ считаютъ долгомъ перечислять главнѣйшія постройки Сасанидовъ и упоминать, что тамъ-то Хосрой выстроилъ въ свое время деревню, тамъ замокъ, тамъ крѣпость, тамъ мостъ²⁾. Оставшіяся отъ сасанидской и предшествующей эпохъ монументальныя художественныя сооруженія также привлекаютъ вниманіе арабовъ и они съ большей или меньшей подробностью описываютъ ихъ³⁾. Изъ сообщеній тѣхъ же арабскихъ мусульманскихъ писателей мы имѣемъ точныя данныя о населеніи Персіи и вѣроисповѣданіи его. Такъ, напр. Я'куби указываетъ, что населеніе Исфahanа, Мерва и Херата состояло главнымъ образомъ изъ благородныхъ дихкановъ⁴⁾; Макдиси отмѣчаетъ значительное количество огнепоклонниковъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, напр. въ 'Иракѣ и Джибалѣ⁵⁾; Истахри и Ибн-Хаукаль рассказываютъ, что населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Кирманна во все время Умейядской династіи открыто исповѣдывало маздеизмъ⁶⁾. Но особенно подробно отмѣчаютъ арабскіе писатели маздеизмъ жителей Фѣрса, коренной области Персіи. Макдиси говоритъ, что въ Фѣрсѣ существуютъ огнепоклонническіе обычаи, а жители-огне-

1) О роли этого класса въ эпоху халифата см. A. von Kremer, *Culturgegeschichte des Orients unter den Chalifen*. II. Wien. 1877, 159—162.

2) См. перечисленіе замѣчательныхъ построекъ старой Персіи у Макдиси (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, III), г 99 и Ибн-ал-Факіха (ib. V), г IV. О различныхъ старинныхъ постройкахъ, оставшихся въ Персіи отъ времени Сасанидовъ см. напр. Истахри (ib. I), 177, Ибн-Хаукаль (ib. II), 190, Ибн-Хурдѣдбе (ib. VI), 81—87, Ибн-Русе (ib. VII), 107, 117, 117, 110, 117, 119, 129, Я'куби (ib. VII), г V, г VI, г VII и др.

3) Истахри, г 7, Ибн-Хаукаль, г 01 и г 11, Макдиси, г 77 и 78, Ибн-Русе, 177.

4) Я'куби, г V, г V9, г 10. 5) Макдиси, 177 и 178. 6) Истахри, 177, Ибн-Хаукаль, г 11.

поклонники главнаго города этой провинціи Ширъаза не имѣютъ даже отличительнаго знака въ одеждѣ, такъ что изъ этого мы можемъ заключить, что въ его время это населеніе ничѣмъ не отличалось отъ жителей-мусульманъ¹⁾. Истахри²⁾ и Ибн-Хаукаль³⁾ сообщаютъ, что главнѣйшее населеніе Фърса составляютъ огнепоклонники и что тамъ ихъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ въ Фърсѣ былъ центръ государственной, религіозной и просвѣтительной жизни во время самостоятельности Персіи. Особенно подробно останавливаются эти писатели⁴⁾ на древнихъ замкахъ и храмахъ огня, разбросанныхъ по всему Фърсу въ изобиліи. Послѣднее особенно важно потому, что именно въ этихъ пунктахъ было мѣстопробываніе тѣхъ двухъ классовъ персидскаго общества, дворянства и духовенства, которые являлись наиболѣе рьяными хранителями древней національной традиціи.

Сравнительно благопріятное положеніе парсійской общины послѣ мусульманскаго завоеванія несомнѣнно, однако, должно было иногда омрачаться эксцессами фанатизма, интригами другихъ иновѣрцевъ и пр. Хотя парсы въ качествѣ чиновниковъ, ученыхъ и т. п., могли иногда выдвигаться и играть значительную роль въ исторіи халифата, вообще говоря, община эта была обречена на нѣсколько замкнутую и одинокую жизнь, обстоятельство, способствовавшее сохраненію національныхъ особенностей и приверженности къ старинѣ. Время отъ времени, условія ихъ существованія должны были ухудшаться и результатомъ этого явилось постепенное выселеніе части общины съ родины въ сѣверо-западную Индію.

Во всей парсійской литературѣ мы имѣемъ лишь одно историческое сочиненіе, которое именно и рассказываетъ объ этомъ выселеніи. Однако, рассказъ его настолько неясенъ, что объ этомъ событіи можно составить лишь самое общее понятіе⁵⁾. Сочиненіе это называется *Кисса-и-Санджанъ* и написано очень поздно, въ самомъ концѣ XVI-го вѣка, такъ что его сообщенія можно разсматривать лишь какъ отраженіе древняго преданія⁶⁾. Изъ имѣющихся въ этомъ сочиненіи данныхъ можно вывести, что выселившіеся послѣ мусульманскаго завоеванія парсы провели сто лѣтъ въ какой-то горной мѣстности и только спустя сто лѣтъ переселились въ Хурмузъ, а оттуда на Гуджератскій полуостровъ, и наконецъ, послѣ перегово-

1) О. с. f11 и f12. 2) О. с. 173. 3) О. с. r.v.

4) Истахри, 117—119 (сп. 100), Ибн-Хаукаль, 14V—190 (сп. 181).

5) Новѣйшій историкъ, ученый парсъ г. Каракъ въ изложеніи событій послѣ арабскаго завоеванія слѣдовалъ взглядомъ старой школы исламистовъ-историковъ, разсматривавшихъ эту эпоху какъ полный разгромъ всѣхъ прежнихъ устоевъ и торжество фанатизма новой религіи — см. D. F. Karaka, *History of the Parsis*, vol. I, London, 1884 (объ исторіи персовъ послѣ арабскаго завоеванія см. стр. 22 слѣд.).

6) E. V. Eastwick, Translation from the Persian of the *Kisâh-Sanjân* or History of the arrival and settlement of the *Pársis* in India, *Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*, I, 1844, 167—191 (сп. ib. XXI, Extra Number, 1906, 197—199).

воровъ съ мѣстнымъ владѣтелемъ, поселились въ Санджѣнѣ; позже къ нимъ прибываютъ изъ Хорасѣна новые выселенцы. Изъ послѣдняго-то и можно заключить, что выселеніе происходило постепенно; это подтверждается также тѣмъ, что въ случаѣ массоваго выселенія, «исходъ» парсовъ оставилъ бы слѣдъ въ арабской литературѣ. Несомнѣнно далѣе, что значительное количество парсовъ оставалось на родинѣ и ихъ потомками являются современные персидскіе Гебры, которые вмѣстѣ съ парсами Индіи, могутъ быть названы во многихъ отношеніяхъ единственными хранителями древней иранской традиціи въ настоящее время.

Итакъ, во всей Персіи въ первые вѣка ислама національный элементъ съ переменнымъ счастьемъ отстаивалъ свое существованіе. Нужно, однако, замѣтить, что большій или меньшій его успѣхъ не во всѣхъ частяхъ страны былъ одинаковъ и его судьбы въ значительной степени зависѣли отъ географическаго положенія и исторической жизни отдѣльныхъ областей страны. Западныя провинціи, вслѣдствіе наибольшей близости къ центрамъ арабской государственной жизни, равнѣ другихъ должны были поступиться своими стремленіями и дѣятельно войти въ кругъ событій, составлявшихъ собственно арабскій періодъ исторіи мусульманскаго Востока. Средняя Персія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, также не могла быть опорнымъ пунктомъ для персидскихъ элементовъ. Наибогѣе для нихъ благоприятными были провинціи сѣверныя, восточныя и южныя: Табаристанъ, Хорасанъ и Фарсъ.

Табаристанъ, какъ извѣстно, за все время расцвѣта арабской имперіи, находился почти въ полной независимости отъ центральной власти. Мѣстные владѣтели, такъ называемые «испехбеды», пользовались фактической независимостью и арабско-мусульманское вліяніе было въ ту эпоху совершенно ничтожно. Мѣстныя династіи (Бавендида, Бадуспаніда, Дабуніда, Кѣренида), смѣнявшія одна другую и правившія одновременно, наслѣдовали преданія, оставленныя имъ такъ называемыми «мерзбанами» т. е. намѣстниками (часто наслѣдственными) великихъ Хосроевъ и независимыми со времени Арсакидовъ властителями¹⁾, а позже (Алїды, Зейриды) рѣзко примыкали къ шиитству, съ его опредѣленно выраженными персидскими симпатіями. Однако, эта область не была благоприятна для особенно успѣшной національной эволюціи. Дѣло въ томъ, что и въ сасанидскую эпоху Табаристанъ являлся отдаленной и глухой окраиной и не принималъ дѣятельнаго участія въ культурной жизни того времени. Поэтому, не сюда долженъ былъ

1) Общій обзоръ исторіи прикаспійскихъ провинціи въ освѣщеніи ихъ независимой отъ сасанидскаго и арабскаго управленія жизни см. напр. у F. Justi, Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden въ Grundriss des iranischen Philologie, II, 547 — 549.

быть перенесенъ центръ тяжести персидской жизни, хотя несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ этой области сохранялись типичныя черты сасанидской старины.

Иное дѣло—восточныя провинціи. Хорасанъ былъ слишкомъ удаленъ отъ мѣстностей съ арабскимъ населеніемъ и слишкомъ густо населенъ иранцами, чтобы быстро утратить прежній обликъ. Наоборотъ, мы знаемъ изъ исторіи, что въ этой провинціи иранскій элементъ держался стойко во все время Умейядской династіи, и исключительно благодаря поддержкѣ хорасанцевъ 'Аббасидамъ удалось свергнуть предшествовавшую династію и начать эпоху сильнѣйшаго иранскаго влияния въ исторіи мусульманскаго Востока ¹⁾). Хорасану принадлежитъ первенствующая роль въ развитіи ново-персидской литературы и особенно ея главнѣйшаго вида — поэзіи. Весь древнѣйшій періодъ исторіи ново-персидской поэзіи, отъ 'Аббаса, привѣтствовавшаго стихами халифа Мамуна при въѣздѣ его въ Мервъ, до Фирдауси включительно, можетъ быть названъ хорасанскимъ. Тамъ протекала дѣятельность Рудеки, Кисаи, Дакки и другихъ, менѣе знаменитыхъ представителей ранняго періода ново-персидской поэзіи ²⁾). Этому благоприятствовали не только географическія, но и политическія условія. Уже въ началѣ IX-го вѣка въ Хорасанѣ возникаютъ національныя персидскія династіи, и подъ ихъ покровительствомъ начинается возрожденіе персидскаго народа (Тѣхириды, Саффариды, Саманиды).

Въ иныхъ условіяхъ, но съ одинаково крупнымъ значеніемъ для персидской национальной идеи сложились условія въ южной провинціи, въ Фарсѣ. Здѣсь должна была съ особеннымъ упорствомъ переживать не только національная, но и государственная традиція древней, сасанидской Персіи — здѣсь былъ центръ государства и отсюда происходила династія. Послѣ арабскаго завоеванія, эта провинція вошла въ гораздо болѣе тѣсную связь съ халифатомъ, чѣмъ напр. Хорасанъ, но персидскому элементу она благоприятствовало географическое положеніе — горный характеръ мѣстности и потому трудная доступность ея завоевателямъ. Мы приводили уже выше извѣстія арабскихъ географовъ X-го вѣка объ изобиліи храмовъ огня и замковъ въ Фарсѣ. Они говорятъ, что тамъ не было деревни или села, въ которомъ не имѣлось бы храма огня; укрѣпленные же замки являлись мѣстопребываніемъ туземной аристократіи, идеалы которой коренились въ сасанидской эпохѣ. У тѣхъ же географовъ, Истахрѣ и Ибн-Хаукала, находится чрезвычайно важное, по нашему мнѣнію, извѣстіе о сохраненіи

1) Объ исторіи Хорасана въ Умейядскій періодъ см. J. Wellhausen, *Das arabische Reich und sein Sturz*. Berlin. 1902, 247 сл. и 306 сл.

2) См. общій очеркъ этого періода у J. Darmesteter, *Les origines de la poésie persane*. Paris, 1887 и E. G. Browne, *A literary history of Persia*, I. London, 1902, 340 стрѣх.

персидской традиціи въ Фърсѣ, не только до сихъ поръ по достоинству не оцѣненное, но даже не отмѣченное въ его значеніи для этого вопроса.

Истахрї и Ибн-Хаукаль, перечисляя замки Фърса, говорятъ слѣдующее о замкѣ Джиссъ¹⁾: «Замокъ Джиссъ находится въ округѣ Арраджана. Въ немъ живутъ огнепоклонники, знатоки²⁾ Персіи и ея прошлаго. Тамъ они изучаютъ (все это). Замокъ этотъ очень укрѣпленъ». Далѣе, у Истахрї³⁾ мы находимъ еще слѣдующее: «Въ округѣ Сабұра, на горѣ изображены всѣ извѣстные персамъ цари и вельможи, всѣ знаменитые хранители огня, великіе мубады и прочіе. Ихъ изображенія, ихъ дѣянія и рассказы о нихъ послѣдовательно излагаются въ свиткахъ. Специально хранить это (т. е. эти свитки) люди, живущіе въ одномъ мѣстѣ округа Арраджана, именуемою крѣпость Джиссъ». Изъ этихъ извѣстій мы узнаемъ, что въ одномъ изъ замковъ Фърса, еще въ X-мъ вѣкѣ хранились рукописи, написанныя вѣроятно на пехлевійскомъ языкѣ, содержащія рассказы изъ персидской исторіи и иллюстрированныя рисунками въ стилѣ сасанидскихъ рельефныхъ изображеній на скалахъ въ округѣ Сабұра⁴⁾. Этотъ укрѣпленный замокъ былъ вѣроятно мало доступенъ арабамъ и представлялъ вѣрное убѣжище мубадамъ, дикханамъ и другимъ, интересовавшимся родной старинной.

Извѣстіе это, вообще важное для исторіи сохраненія эпической, исторической и художественной традиціи Ирана, интересно въ частности и для изслѣдованія источниковъ арабскихъ переводовъ сасанидской хроники и эпопеи Фирдаусї. Какъ извѣстно, переводчики этой хроники были персы-огнепоклонники или же мусульмане, но принявшіе исламъ лишь наружно и оставшіеся въ душѣ вѣрными прежней религіи. Среди нихъ прямо называется мубадъ, происходящій изъ Сабұра въ Фърсѣ, имѣющій большое значеніе въ выработкѣ иранскаго историческаго преданія и о которомъ мы еще будемъ говорить далѣе. Мубадъ этотъ вѣроятно дѣлалъ арабскій переводъ сасанидской хроники по матеріаламъ архива въ замкѣ Джиссъ. Далѣе, извѣстіе, приводимое объ этомъ замкѣ, относится ко времени, немногимъ предшествующему эпохѣ Фирдаусї и несомнѣнно въ матеріалахъ этого архива были источники Шāхнāмā, перешедшіе къ Фирдаусї черезъ посредниковъ. Наконецъ, мы видимъ, что эти сасанидскія хроники иллюстрирова-

1) Истахрї, III, 2—4; Ибн-Хаукаль, I, 9, 1—2.

2) Въ текстѣ персидское слово «*бднудѣр*ы» т. е. раскоды, сказители народныхъ преданій; ср. объ этомъ словѣ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, IV, 182—183 и Vullers, Lexicon persico-latium, v. v.

3) О. с. 10, 14—17.

4) Т. е. въ стилѣ тѣхъ сасанидскихъ барельефовъ, которые до сего времени сохранились на скалахъ близъ Шāпұра и наиболѣе извѣстнымъ образцомъ которыхъ является барельефъ съ изображеніемъ побѣды сасанида Шāпұра I надъ императоромъ Валентианомъ.